

УДК 94(47).081-082

DOI 10.22162/2500-1523-2018-15-81-107

**К. И. Костенков о традиционном хозяйственном укладе
Калмыцкой степи**

K. I. Kostenkov about the Traditional Economic Structure
in Kalmyk Steppe

Ряжев А. С. (A. Ryazhev)¹,

Долеева А. О. (A. Doleeva)²,

Топалова Д. Ю. (D. Topalova)³

¹ кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. им. И. К. Илишкина, 8). E-mail: riazhev@yandex.ru
Ph. D. in History (Cand. of Historical Sc.), Leading Research Associate, Department of History, Ethnology and Archaeology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: riazhev@yandex.ru

² младший научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. им. И. К. Илишкина, 8). E-mail: aisasarpa10@mail.ru
Junior Research Associate, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: aisasarpa10@mail.ru

³ научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. им. И. К. Илишкина, 8). E-mail: delya.top@yandex.ru
Research Associate, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: delya.top@yandex.ru

Аннотация. Публикация посвящена проблематике изучения окраинных территорий России, развивавшейся в общественной мысли пореформенной эпохи. Подобное изучение стало реакцией российского общества на быстрый процесс исчезновения так называемых внутренних окраин — регионов российского

Востока, сохранивших со времени вхождения в состав государства известную автономию и своеобразие хозяйственно-бытового уклада. Ниже представлен фрагмент труда К. И. Костенкова «Статистическо-хозяйственное описание калмыцкой степи Астраханской губернии» (СПб., 1868), со времени выхода вошедшего в классику калмыковедения. Публикуемый фрагмент четвёртой главы книги содержит характеристику скотоводства — основной отрасли традиционного калмыцкого общества. Данный фрагмент является в книге ключевым: он даёт представление о подходах и методологии, складывавшихся тогда в отечественной науке в сфере как историко-этнологических, так и социологических исследований, затрагивавших сельское хозяйство страны как основу традиционной культуры в целом.

Ключевые слова: Россия, пореформенная эпоха, «внутренние окраины», калмыковедение, К. И. Костенков, общественная мысль, историко-этнологические исследования, социология, сельское хозяйство, скотоводство

Abstract. The work deals with studies of Russia's peripheral territories that advanced within social discourse during the post-reform era. Those were a reaction of Russian society to the rapid disappearance of so called 'internal peripheries' — regions of the Russian Orient that had retained a certain level of autonomy and characteristic economic lifestyles since their annexation by the Russian state. The paper contains an excerpt from *Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: a Statistical and Economic Description* (St. Petersburg, 1868) by K. I. Kostenkov that has become a classic of Kalmyk studies. The published fragment of Chapter Four characterizes livestock breeding practices — a major economic sector of traditional Kalmyk society. The fragment is actually a key one since it provides an overview of approaches and methods that took shape in national science — including history, ethnology, and sociology that touched upon domestic agriculture as a basis of traditional cultures in general — during the period under consideration.

Keywords: Russia, post-reform era, 'internal peripheries', Kalmyk studies, K. I. Kostenkov, social discourse, historical and ethnological studies, sociology, agriculture, livestock breeding

Пореформенная эпоха отечественной истории отмечена целым рядом масштабных общественно-политических процессов. Одним из них была ликвидация «внутренних окраин» — вовлечение в общероссийский уклад регионов юга и востока, сохранивших хозяйственное, этническое, культурное своеобразие со времени их включения в состав Российского государства. Она сопровождалась укреплением их транспортной связности с сопредельными и

отдалёнными частями империи, усилением социальных и хозяйственных связей с центром и наиболее развитыми областями страны, вовлечением в единый хозяйственный оборот природных и демографических ресурсов, накопленных на данных территориях на протяжении Нового времени.

Как следствие, в российском обществе сформировался стойкий интерес к жизни осваиваемых земель. В ответ появились историко-этнологические исследования, характеризовавшие прошлое и настоящее российских окраин. Среди них был и труд К. И. Костенкова [Костенков 1868], получивший известность с момента своего выхода и наряду с другими публикациями автора вошедший в состав историографической классики калмыковедения [Костенков 1869а; 1869б; 1870].

Поводом к появлению сочинения стала Кумо-Манычская экспедиция 1861–1862 гг., организованная Министерством государственных имуществ и возглавляемая именно автором [Калмыцкая степь 1868]. Он указал, что книга представляет собой извлечение из отчёта экспедиции, дополненные материалами сочинений по истории северных прикаспийских земель и Волго-Донского междуречья, а также российского законодательства XVII–XIX вв. о калмыцком народе. Структура работы и содержание её частей были аналогичны отчёту. Текст включал пять глав, содержащих физико-географическое описание калмыцких кочевий, традиционные маршруты кочёвок, состояние степного народонаселения и традиционного хозяйства. Пятая, заключительная, глава предлагала вниманию читателя рекомендации по улучшению хозяйства и благосостояния калмыков, основанные на личном опыте автора.

К. И. Костенков не был первооткрывателем калмыцкой тематики в российской историко-этнологической и социологической литературе того времени. Сам автор опирался на работы калмыцкого пристава Н. И. Страхова, в своё время известного литератора, и П. И. Небольсина, этнографа, видного деятеля Императорского Русского Географического общества [Страхов 1810; Небольсин 1852]. Упомянул он и сведения о калмыках в «Письмах о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма» — публицистическом отчёте о путешествии по России

наследника Николая Александровича (1843–1865 гг.), старшего из сыновей императора Александра II [Бабст, Победоносцев 1864].

Эта книга в своё время вызывала широкий интерес, став важным памятником общественной мысли своего времени (и потому неоднократно переиздана и в наши дни). Кроме того, российский читатель был знаком с трудами иеромонаха Иакинфа (Н. Я. Бичурина) и других авторов [Иакинф 1834; Нефедьев 1834; Исторический обзор 1844]. Однако работа К. И. Костенкова, занимавшего в своё время пост главного попечителя калмыцкого народа [Костенков 2006], выделялась на этом фоне отнюдь не только в силу скудости соответствующей литературы. Она явилась первым опытом комплексного изучения калмыцкого этноса, и в этой связи её значение трудно переоценить.

Ниже представлен фрагмент сочинения, извлечённый из четвертой — центральной — главы книги, носящей заголовок «Положение хозяйства и промышленности в Калмыцком народе». Основное место в нём занимает очерк развития скотоводства, до сих пор не потерявший своего научного значения. Публикация данного очерка здесь продиктована необходимостью сделать его доступным современному читателю и заново ввести оригинал в сферу историко-этнологических исследований традиционной культуры. В целом же накопленный в науке опыт нового прочтения известных и изданных источников заставляет задуматься и о переиздании работ К. И. Костенкова в сопровождении научно-справочного аппарата, отвечающего достигнутому уровню науки.

В современной научной литературе автора принято относить к официальному направлению историографии, сформированному трудами и исследованиями практиков: чиновников, представителей административной, военной, полицейской сфер — творцов и участников государственной политики. Воззрения, свойственные подобной среде, К. И. Костенков разделял в полной мере. Отсюда, в частности, в цитируемом отрывке фигурируют «*бакерос*» (*vaqueros*) — ковбои тогдашнего пограничья между Северо-Американскими Штатами и Мексикой. В общественном сознании эпохи они были непревзойдёнными виртуозами пастушеской техники, а именно: обращения с лошастью и лассо, и неслучайно, что в сюжете о лихих наездниках-калмыках автор уподобляет их имен-

но «бакерос»: известной части российского чиновничества, как и образованных сословий в целом, была свойственна тенденция вести аналогии между романтизированными чертами западного колониализма и реалиями русских окраин. Но отсюда и негативизм в отношении традиционного уклада жизни простонародья, скепсис касательно перспектив рационализации скотоводства и морального прогресса в традиционном обществе, также в полной мере проявленные в публикуемом фрагменте.

Все постраничные примечания принадлежат К. И. Костенкову, им же сделаны сохраняемые публикаторами выделения курсивом слов и выражений. Все сокращения автора, за исключением общепринятых (г. — господин, р. — река) раскрыты либо приведены к ныне применяемому виду (гор. — город, руб. — рубль, коп. — копейка), текст дан с соблюдением современных норм русского языка — орфографических, пунктуационных, стилистических и других.

«Положение хозяйства и промышленности в Калмыцком народе» (из четвёртой главы книги, с. 124–140)

В калмыцком хозяйстве единственным источником богатства служит скотоводство, но оно, к сожалению, никогда не представляло верной гарантии для прочного народного благосостояния. Хозяйство это, как велось двести лет тому назад, так ведется и в настоящее время: ни по улучшению, ни по сбережению своих стад, калмыки до сих пор не сделали ни одного шага вперед. Правда, что теперь калмыки имеют громадное количество скота, но кто может поручиться за долговременность его существования. Не говоря уже том, что почти ежегодно гибнет по несколько тысяч голов скота от болезней, шурганов и бескормицы, припомним только страшную зиму 1798 года, когда калмыки потеряли более полумиллиона голов, и, не успев оправиться от такого удара, в тринадцатых годах нынешнего столетия снова лишились почти половины своих стад¹. Кроме того, не следует забывать, что кал-

¹ В одном Малодербетовском улусе погибло: 13 025 лошадей, 2 881 верблюд, 44 218 овец и коз и 13 900 штук рогатого скота; потеря скота в прочих улусах была тоже громадная. (Дело Архива Калмыцкого Управления 1830 г. № 7892).

мыки, при отсутствии капиталов, могут пополнять убыль своего скота только путем естественного приплода. На основании сказанного можно смело утверждать, что скотоводство калмыцкого народа при существующих условиях никогда не достигнет цветущего состояния.

Еще в начале нынешнего столетия главный пристав калмыцкого народа Н. А. Страхов (правильно — Н. И. Страхов. — *А. Р.*) заметил², «что калмыцкий народ, по приносимым хозяйственным пользам, заслуживает внимания правительства, обращая миллионы десятин земли бесплодной и иссушенной солнцем в миллионные табуны и стада, пустую степь в надежный и богатый конный и скотный двор для целой России», но, к сожалению, на слова Страхова не было обращено тогда внимания. Только весьма недавно стали убеждать калмыков в необходимости заготовки сена на зиму для корма скота и развивать в них охоту к улучшению пород; с этой целью и учреждены ежегодные выставки скота и конские скачки; но мы увидим ниже, насколько эти меры приносят пользы народу.

Для сравнительной оценки калмыцкого скотоводства в разные периоды времени я мог бы прибегнуть к официальным цифрам, но я не решаюсь приводить их и делать из них какие-либо выводы, зная по опыту, как мало можно иметь доверие к этим официальным данным. Для необходимых только соображений я привожу собранные в улусах сведения о приблизительном количестве скота, находившегося у калмыков в 1863 году:

Количество скота	Верблюдов	Лошадей	Рогатого скота	Овец	Коз	Итого
Принадлежащего:						
Владельцам	160	3 150	10 201	11 221	30	24 762
Зайсангам	2 100	10 940	12 123	72 053	1 005	98 221
Духовенству	740	5 000	4 437	41 387	230	51 794
Простолюдинам	18 900	95 600	116 584	678 280	11 447	915 811
Итого	16 900	114 690	143 345	802 941	12 712	1 090 588

² «Нынешнее состояние калмыцкого народа», Соч. Н. Страхова 1810 г., с. 42.

По улусам это количество скота распределялось следующим образом:

Название улусов	Количество принадлежащего скота			
	Владельцы	Зайсанги	Духовенство	Простолюдины
Малодербетовский	950	54 900	25 350	140 400
Харахусо-Эрдениевский	2 035	16 130	2 437	25 350
Хошоутовский	12 624	409	8 013	116 126
Багацохуровский	—	3 130	1 148	67 570
Яндыковский	—	2 182	4 470	47 348
Эркетеневский	—	4 660	765	71 635
Икицохуровский	—	9 783	4 571	36 840
В Мочагах	155	6 695	5 040	40 498

При средней цене за верблюда 30 руб., за лошадь — 20 руб., за штуку рогатого скота — 10 руб., за овцу — 2 руб., и за козу — 1 руб. 50 коп. весь калмыцкий скот может быть оценен приблизительно в 5 352 200 рублей.

Посмотрим теперь, в каких числовых отношениях находится количество скота к населению и к пространству земли.

По последней переписи калмыцкому народу в 1862 году числилось:

Владельцев	41 душа обоего пола.
Зайсангов	3 113 душ
Простолюдинов	115 260
Духовенства	1 452 мужского пола
	А всего: 119 866 душ обоего пола

Таким образом, на каждую душу приходится средним числом по 9 голов скота. Всё калмыцкое население пользуется в настоящее время пространством земли в 7 466 343 десятин 1 996 саж³.

³ В этом числе заключается 7 128 352 десятин нагорной степи и 337 991 десятин 1 990 саженой на луговой стороне р. Волги, занятой кочевьем Хошоутовского улуса; смежным же с ним участком степи, известным под названием «общего очередного кочевья всех улусов», калмыки, как выше связано было (глава 1-я), не пользуются.

Исключить из этого количества ровно половину пространства, занятого солончаками, песками и озерами, на каждую голову скота получится удобной земли около 3½ десятин.

В заключение моего отчета я объясню более подробно, достаточно ли земли для калмыцкого скотоводства, может ли оно при настоящих условиях увеличиваться и представляется ли наконец какая-либо возможность улучшить степь для пастьбы скота: теперь же мы займемся вопросом, какую существенную пользу приносят калмыкам разводимые ими породы скота, именно: верблюды, лошади, рогатый скот и овцы.

Верблюды у калмыков все вообще двугорбые, и только несколько штук одnogорбых, как редкость, имеет владелец Хошоутовского улуса. Нет сомнения, что предпочтение двугорбым верблюдам отдается потому, что они более удобны для навьючивания. Животное это, по справедливости названное кораблем пустыни, необходимо в кочевом быту калмыка: оно служит для передвижения по степи, перевоза на спине своей войлочную кибитку калмыка, заменяющую ему дом, и всё его имущество (*хурду-мурду*). Груз, поднимаемый верблюдом, доходит, по рассказам калмыков, до невероятной цифры — около 120 пудов; однако же на четырех бывших выставках скота самый сильный верблюд (самец 11 лет) поднял только 87 пудов 3 фунта. Из всех животных верблюд более удобен для навьючивания, потому что сам ложится на землю, следовательно, нет надобности высоко поднимать тяжести; кроме того, он может ходить и в упряжи, но только она скоро его утомляет и при этом он не может везти большой тяжести, так как упряжь обыкновенно приспособляется к переднему его горбу и слабо развитой груди.

Довольствуясь самой скудной пищей, своей любимой колючей травой (*Alhagi Camelorum F.*), по калмыцки «*цегрик*», употребляя в питье всякую воду — солёную, горькую, застоявшуюся и испорченную, верблюд составляет неоцененное животное для кочевника, собственно в отношении передвижения. Но, как статья доходная, он стоит ниже других пород скота: во-первых, верблюды недолговечны и распложаются весьма медленно — матка носит зародыш тринадцать месяцев; во-вторых, они не могут переносить сильной стужи и потому во время больших морозов калмыки

обыкновенно держат их в пополах (*нэшинэ*); в-третьих, при снежных зимах верблюды лишены средств без посторонней помощи отыскивать себе подножный корм, потому что не в состоянии разгребать снег своими бескопытными лапами, и наконец, по неуклюжести своей верблюды, или, как его называют, адамова овца, не в силах защитить себя от волков, нападению которых он очень часто подвергается.

Верблюдицы дают весьма мало молока: менее одного штофа в сутки. Молоко это калмыки употребляют для приправы своего кирпичного чая. Перед доением необходимо припускать молодого верблюжонка, иначе верблюдка не даст молока. По достижении верблюжонком одного года, ему прокалывают верхнюю губу и продевают в неё кольцо (*буули*) из шерстяной верёвки, чтобы не зарастало отверстие, в которое после того продевается шерстяной повод (*бурунтык*) с большим узлом на конце. *Бурунтык*, удерживаясь этим узлом в губе, служит для управления верблюдом и заставляет его, по слову «*цога*», ложиться и вставать; при следовании караваном *бурунтык* привязывается к шее или к хвосту предыдущего верблюда. Трудно придумать более варварскую упряжь: в какой мере должны страдать от неё бедные животные, надо видеть, как иногда калмык неистово дергает за *бурунтык*, отчего у многих из верблюдов губы ниже переносицы постоянно разорваны и покрыты гноем и кровью. Об усовершенствовании этой упряжи никому из калмыков и в голову не приходит, хотя иногда и надевают на верблюда недоуздок (*нокто*), но *бурунтык* всё таки остаётся в своей силе, служа единственным средством для укрощения этого неуклюжего и подчас упрямого животного.

На хороших пастбищах верблюды скоро отъедаются и жиреют, что обыкновенно узнается по горбу, заключающему в себе хрящ и жир. У откормленных верблюдов горб всегда стоит прямо, у заморенных он обвисает.

Шерсть с верблюдов, в количестве от 15 до 20 фунтов с каждого, снимается иногда стрижкой, но по большей части просто обдирается. Операция эта производится весною, когда верблюды начинают линять. В течение всех летних месяцев верблюды представляют из себя самое безобразное, голое животное; к осени они снова обрастают шерстью. Количество снятой калмыками в 1863

году верблюжьей шерсти простиралось до 7 000 пудов, из которых в продажу поступило не более одной трети, и то по случаю большого спроса на нее, при введении в войсках башлыков, от чего цена шерсти возвысилась до 4 руб. за пуд; остальное же количество шерсти идет для собственного употребления калмыков на арканы, тесьмы для увязки своих кибиток и на толстые нитки для сшивания войлоков. Шкуры с павших верблюдов продаются от 1 руб. 50 коп. до 3 рублей.

Из всего сказанного нами о верблюдах, видно, что они не могут составлять выгодной доходной статьи, и, вероятно, разведение их окончится с прекращением кочевой жизни калмыков, так как заготовление для верблюдов корма и уход за ними зимой должны обходиться дороже приносимого ими дохода.

Во время бывшей турецкой войны 1828–1829 годов были куплены у калмыков, по Высочайшему повелению, для действующей 2-й армии, 1 000 верблюдов с войлочными попонами и полными для выюков приборами. Верблюды эти отправлялись к Тирасполю партиями по 250 штук, под конвоем казаков и в сопровождении калмыков-вожатых, по одному на двух верблюдов, независимо от 5 запасных вожakov и одного зайсанга; верблюдам давалось по 10 фунтов сена и по 1 гарнцу овса в сутки, а через каждые пять дней по 1 фунту соли; для того, чтобы верблюды не сбивали себе ног, следуя по зимнему пути, им надевали на ноги кожаные порш-ни⁴. За год до этой войны, именно: в 1827 году, было также куплено у калмыков 300 верблюдов для подвижного выючного транспорта кавказского отдельного корпуса; потом в 1854 году опять покупались верблюды для кавказской армии. Насколько пользы принесли верблюды во всех этих случаях, я не знаю, но указываю на них как на попытку правительства заменить верблюдами тяжелый обоз армии.

Количество верблюдов в улусах стало заметно уменьшаться после больших потерь скота в начале тринадцатых годов настоящего столетия, так что при встретившейся в 1840 году надобности правительству купить верблюдов для перевозки тяжестей на Кавказе донесено было из улусов, что калмыки могут продать, не

⁴ Дело Архива Калмыцкого Управления № 7671. За каждого верблюда с попоною и проч. назначена была плата по 70 руб. ассигнациями.

стесняя себя, только 200 штук верблюдов, по 90 руб. ассигнациями за каждого⁵.

Лошади у калмыков, собственно калмыцкой породы, не имеют вообще ни красивой наружности, ни хороших статей. Лучшие в этом отношении лошади те, которые происхождением своим обязаны смешению калмыцкой породы с породами башкирскою, киргизскою, черкесскою и другими. Правильно устроенных конских заводов калмыки не имеют, пуская табуны свои пастись на свободе в степи⁶. Уход за табуном составляет любимое занятие калмыка; это его жизнь, его сфера. Калмык со дня рождения приучается сидеть верхом. Первые уроки этого искусства даются в зыбке, где между ногами его укрепляется особого рода коробка *цорго*, от которой он навсегда делается кривоногим⁷. Затем, когда дитя начинает ползать, мать обыкновенно носит его не на руках, а верхом на своем бедре, за которое он крепко держится рученками. Наконец, поднявшись на ноги, калмыцкий ребенок так и норовит, чтобы при всяком удобном случае сесть верхом на лошадь. Вот из таких-то детей делаются впоследствии те замечательные наездники, которые не уступят знаменитым мексиканским *вакьеросам* (*vaqueros*). Стоит взглянуть только на ловлю неуков (диких лошадей) из табуна, чтобы убедиться в ловкости калмыка и необыкновенной его смелости обращаться с лошадьми. Это удачество калмыков было уже подробно и весьма интересно описано г. Небольсиным в его «Очерк быта калмыков Хошоутовского улуса» и гг. Бабстом и Победоносцевым в «Письмах о путешествии Государя Наследника Цесаревича», где желающие могут ознакомиться с подробностями ловли неуков.

⁵ Дело Архива Калмыцкого Управления № 14 353, связка 323.

⁶ В 1833 году комитет российского коннозаводства собирал сведения о существующих заводах, о количестве лошадей, образ их случки и воспитании жеребят. Сведения были доставлены только от владельцев Большедербетевского улуса, Хапчукова, и Кошаутовского улуса, Тюменя; у первого было жеребцов 75 и маток 6 170, у второго жеребцов разных пород 62 и маток 794; от прочих же владельцев и зайсангов сведений не доставлено.

⁷ Интересующимся иметь понятие о калмыцкой зыбке предлагаю прочесть в сочинении Н. И. Небольсина (правильно — П. И. Небольсина.— А. Р.): «Очерк быта калмыков Хошоутовского улуса», главу III-ю «О уходе за детьми и их воспитании».

Заботливость калмыков в уходе за своим табуном заключается сначала в сортировании и назначении к жеребцам маток (косяков). Сообразно с летами и качествами жеребцов, каждому из них назначается от 6 до 20 маток, с которыми он первые недели две пасется отдельно, а потом в общем табуне. Но при этом каждый жеребец постоянно ходит со своим косяком, ревниво оберегая его, и беда другому жеребцу зайти, хотя случайно, не в свой косяк: тотчас начинается страшный бой, нередко оканчивающийся смертью соперника.

Кобылиц доят не иначе, как припуская к ним сначала жеребят, которых держат на привязи (на приколе) каждого косяка отдельно, близь кибиток. Молоко сливается обыкновенно в кожаный бурдюк (*архыт*), где оно тотчас же на старой закваске превращается в кумыс (по-калмыцки — *чиган*). У бедных калмыков весь удой от рогатой скотины и кобылиц сливается вместе и носит общее название *чиган*. Напиток этот служит пищей для калмыков; из него же они гонят свою водку «*арке*», упиваясь ею во время лета, т. е. когда доится скот; твердое вещество, остающееся от перегонки *чигана* и называемое *шурмюк*, они сохраняют на зиму для приправы им своих кушаньев.

Молодых жеребят по достижении ими одного года таврят. Тавро, или тамга, у каждого рода и у отдельных лиц свое, что необходимо при степном хозяйстве. Обычай этот существует не только у калмыков, но и у всех соседних с ними инородцев, также как и у русских, имеющих свои табуны. На прилагаемом рисунке изображены главные тамги или тавра, принадлежащие калмыкам и тем инородцам, у которых они покупают или меняют лошадей.

Улучшенные табуны лошадей принадлежат владельцу Хошоутовского улуса Тюменю, у которого есть смешанные породы настоящей калмыцкой лошади с башкирской, киргизской и кабардинской. Кроме того, ему как лучшему заводчику подарено было несколько кровных породистых жеребцов с императорских казенных заводов. Жеребцы эти значительно улучшили табуны Тюменя. Затем в Малодербетовском и Багацохуровском улусах есть несколько табунов, улучшенных жеребцами горских пород, преимущественно кабардинской. Наконец у зажиточных зайсангов и духовенства можно встретить по несколько статных и по-

родистых лошадей для собственного употребления. Большинство же калмыков-простолюдинов имеет лошадей весьма невзрачных, и почти вовсе не обращает внимания на улучшение своих табунов. Желая возбудить в калмыках охоту к этому делу, правительство с 1860 года учредило в улусах ежегодные выставки скота и конские скачки, но, к сожалению, четырехлетний опыт показал, что ими нисколько не достигается предположенная цель. Со временем калмыки, может быть, и станут заботиться об улучшении своих табунов, теперь же мало на то надежды при виде варварски жестокого обращения калмыков со своими лошадьми. Положительно можно сказать, что за исключением неуков, т. е. неприученных к езде лошадей, у всех остальных спины и бока истерзаны самым немилосердным образом. Спина лошади страдает всего более от неуклюжего калмыцкого седла с деревянным арчаком, из которого нередко торчит гвоздь, и от грубого войлочного потника, в который при валянии попадают стекла и камешки. После езды мокрая спина лошади обыкновенно ничем не прикрывается, вследствие чего тотчас же образуются подпарины и волдыри, образующиеся нередко в большие и гнойные раны, разъедаемые насекомыми. При этом калмык никогда не обращает внимания, что у лошади болит спина, преспокойно накладывает на больное место седло, садится верхом и начинает бить несчастное животное по бокам толстейшею нагайкою. Во время моих поездок по степи мне много раз приходилось взывать о пощаде и иногда удерживать расходившуюся руку калмыка от сильных ударов нагайки, которые без счету и без цели сыпались на бока его бедной лошади. Калмык редко думает о том, велико ли пространство прошла его лошадь: он едет на ней до тех пор, пока не устал сам. Приехавши в кибитку приятеля, он заговорился, выпил чашку-другую *арке*, а иногда — и русской сивухи, запел песню и забыл о стреноженной лошади, которая без корму стоит подле кибитки. Бывали случаи, что лошадь околевала во время пирования хозяина. Вот такому-то народу не угодно ли вбить в голову понятие об улучшении табунов, и может ли содействовать в этом случае скачка? Правда, и здесь есть весьма отрадные исключения, но такие люди и без скачек будут подвигать свое дело вперед.

Лошади чисто калмыцкой породы для работы весьма слабы, неспособны и с большим трудом приучаются к упряжи. Большая часть из них упрямы и пугливы и остаются с этими пороками навсегда, как бы долго ни ходили в упряжи. Что касается до верховой езды, то едва ли можно найти более привычную и терпеливую лошадь, как калмыцкая, и притом с довольно быстрым бегом. Так например, на бывших скачках 1860–1864 годов лошади калмыцкой породы легко пробегали по неровной местности 15-ти-верстное пространство в 25–27 минут. При таких достоинствах калмыцкие лошади всегда имели хороший сбыт сначала в Китае, и потом в России.

Так как большая часть этих лошадей в прежнее время шла на укомплектование драгунских полков и других войск русской армии, то, по случаю большого недостатка в лошадях, в 1736 году запрещено было под опасением жестокого штрафа пропускать торговцев лошадьми в Персию и другие пограничные азиатские места⁸, а в следующем 1737 году для пополнения комплекта лошадей, коих требовалось до 20 тысяч, посланы были ремонтеры подполковник Степан Крюков и капитан Шахматов с приказанием купить лошадей у калмыков, «проехав из Царицына в те улусы, где ныне калмыки кочуют»⁹.

После того ремонтеры часто начали закупать лошадей у калмыков, так что в 1798 году, по случаю большого требования лошадей для кавалерийских полков, запрещено было калмыкам продавать их сторонним лицам, но запрещение это в следующем году было отменено. Затем в течение нынешнего столетия ремонтеры часто являлись в улусах для покупки лошадей, как это видно из распоряжений калмыцкого управления, предписывавшего улусным начальствам оказывать содействие ремонтерам при покупке лошадей и отводить пастбища в их распоряжение, а также принимать меры, чтобы приезжающие ремонтеры не стесняли калмыков, захватывая у них лошадей для своих разъездов, баранов в пищу и т. п.

После значительной убыли скота в тридцатых годах нынешнего столетия, калмыки, нуждаясь в лошадях, уменьшили их про-

⁸ Полное Собрание Законов Российской Империи, т. IX, № 7002, 1736 года.

⁹ Дело Архива Калмыцкого Управления 1737 года, № 113.

дажу, но вскоре потом начали гонять их на ярмарки в земли войска донского, в Царицын и другие города, что продолжается и до настоящего времени. Лошади продаются преимущественно 3-х и 4-х летняя, ценою от 25 до 100 рублей. Хотя количество ежегодно продаваемых калмыками лошадей известно по официальным сведениям, но я уже выше сказал, насколько могут быть верны эти данные, и потому, считая лишним приводить их в настоящем случае, замечу, что сбыт лошадей может всегда составлять очень выгодную для калмыков статью; необходимо только поддержать эту отрасль хозяйства и оказать ей содействие правительства, о чем я подробно скажу в заключении этого отчета.

Рогатый скот калмыцкой породы известен в России благодаря прасолам, которые большую часть пригоняемого ими скота на убой получают из калмыцкой степи и продают его иногда под названием черкасского.

Находясь в зависимости от степных пастбищ, калмыцкий скот по величине своей неодинаков. Лучший и породистый скот находился у калмыков Малодербетовского улуса, кочующих преимущественно по Эргеням или в высокой степи; у калмыков же, кочующих в неизменной степи, по недостатку хороших кормов и водопоев, скот вообще очень мелок.

Калмыки гоняют скот для продажи на ближайшие ярмарки в земли войска донского, и в губерниях саратовской и астраханской, или же продают его прямо на месте приезжающим гуртовщикам. Цены на скот определить довольно трудно, потому что они находятся в прямом отношении к количеству спроса. В иные годы пара хороших рабочих быков доходила до 100 и более рублей, а корова — до 25 и до 30 рублей, тогда как в последнее время пару быков можно было купить за 60 рублей, а корову — на 5 рублей. В минувшие три года, вследствие малого числа покупателей, цены на скот понизились до такой степени, что калмыки возвращались с ярмарок большею частью не продав ни одной скотины.

Быки калмыцкой породы вообще годны для всякой работы и неприхотливы относительно корма и водопоев, что и заставляет крестьян астраханской губернии, занимающихся чумачеством, покупать для своего промысла преимущественно калмыцких быков. Напротив того, коровы калмыцкие очень мелкие и молока дают

мало. Весьма редкий удой от них бывает более одного штофа; и то не иначе как с припуском теленка; в случае смерти последнего, калмыки, чтобы не лишиться молока от коровы, доносят ей каждый раз, при доении, чучело, сделанное из шкуры ее же теленка.

Молочного хозяйства, т. е. приготовления масла, сыров и т. п., у калмыков совершенно нет. Удой от коров, также как и от кобыл, обыкновенно сливается в один бурдюк, где тотчас же, окисая, получает брожение. Из кислого коровьего молока (*айрика*, по-татарски *арьян*) равно и из кумыса, калмыки гонят свою любимую водку (*арке*), а остатки от перегонки (*бозо*) употребляют для приправы кирпичного чая. Кроме того, из кислого молока и *бозо* они готовят кушанья: *эедмык*, *махан эедмык* и *кююриук*, состоящая из соединения пресного молока с *айриком* и *бозо*. *Айрико* и *бозо* употребляются также на выделку овчин.

Независимо от недостатка хороших пастбищ и водопоев, физическому развитию рогатого скота у калмыков при отсутствии надежного и правильного за ним надзора препятствуют и господствующие здесь скотские болезни.

Происхождение этих почти непрекращающихся болезней обыкновенно объясняют местными условиями, именно: соленостью и недоброкачественностью водопоев. Находя вполне основательным подобного рода предположение, я в то же время убежден, что недоброкачественность водопоев нельзя считать исключительным источником болезней, ибо они нередко поражают и тот скот, который пользуется проточною водою Волги и ее протоков. По моему мнению, к числу причин, поддерживающих болезни рогатого скота в здешнем крае, следует отнести:

1) недостаток должного надзора и ухода за скотом. Большая часть крестьян, занимающихся чумачеством, по возвращении с ходки (с дороги) тотчас пускают в стадо своих изнуренных быков, нередко с принесенною ими болезнью: отсюда заражение и гибель скота. Отделение больного скота от здорового происходит уже в то время, когда болезнь принимает усиленные размеры, и при этом павшая скотина по снятии с нее шкуры часто оставляется незарытою, а если и зарывается, то и весьма не глубоко.

2) сильное изнурение скота непомерной работой. Так например, крестьяне, занимающиеся перевозкой соли с озер к пристаням, до

того доводят своих быков, что несчастные животные падают, не имея силы ступить одного шагу от страшной боли в копытах, разъедаемых соленой рапой озер, куда обыкновенно фурщики должны въезжать для нагрузки мешков с солью. У крестьян, промышляющих этим делом, ежегодно происходят большие падежи скота.

3) кормление скота сеном или травой поемных лугов. На таких лугах от весеннего разлива всегда остается ил, вредно действующий на организм животного. Если местные скотоводы и знают об этом обстоятельстве, то не обращают на него никакого внимания, между тем им очень легко уничтожить болезнетворные свойства подобной травы; стоит только выждать, чтоб она обмыта была дождем.

4) ранний выгон скота на пастбище по утрам, прежде чем сойдет роса. Особенно это опасно в осеннее время, когда не прекратилось еще прозябание растений с сочными листьями. От охлаждения воздуха на таких злаках происходят медвяные и мучные росы, а от мороза свертываются оконечности листьев, разъединяются растительные жилки и застывают самые соки растений. Вследствие такого перелома растительной жизни злаки становятся весьма способными к быстрому гниению, губительному для скота и в особенности для овец.

5) пастба скота на тех местах, где сидела во время перелета саранча, помет которой, оставаясь на траве, вредит животным.

6) постоянное содержание скота на подножном корме и на открытом воздухе в течение целого года. Вследствие этого скот в зимнее время, особенно при глубоком снеге, изнуряется до такой степени, что к весне остается один только двигающийся остов, который заново расклеивают вороны. Чтобы показать, в каком печальном положении находится калмыцкий скот при начале, я приведу один наиболее характеристический случай. Однажды под мой экипаж привели лошадей с совершенно объединенными хвостами. На вопрос мой о причине этого хозяин лошадей, зажиточный зайсанг-скотовод, прехладнокровно отвечал, что коровы зимой от недостатка корма объели хвосты у многих лошадей. При отсутствии закрытых помещений для скота ему, кроме того, вредят очень резкие резкие и непрерывные переходы от тепла к холоду: в морозы, доходящие до высокой степи иногда до 30°, скотина ос-

лабевают до такой степени, что стоит без корма и не может есть его. Не менее сильны страдания скота и в летнее время, когда он не находит себе защиты от палящего солнца и множества насекомых; слепней, оводов, комаров, мошек и т. п., не дающих ему покоя ни днем, ни ночью. Если вблизи есть какая-нибудь река или озеро, то скотина находит еще спасение, забираясь по шее в воду, в противном же случае он мечется от нестерпимой боли, совершенно забывая о корме.

К болезням рогатого скота, господствующим в астраханской губернии, относится: 1) чума, по калмыцки *маалик*, известная у крестьян под общим названием заразы, 2) сибирская язва или сибирка, по калмыцки *момо*; и 3) ящур, по калмыцки *шулька*. Кроме этих трех наиболее распространенных болезней, существуют и другие с менее опасным характером, как-то: воспаление селезенки, чихирь (*haematuria*), раздутие брюха (*tympanitis*), простудные лихорадки с переходом в гнилостные, опухоль ног и хромота.

Хотя местные власти и заботятся о предупреждении и пресечении болезней скота, делая строгие внушения хозяевам-скотоводам, и принимая своевременно различные медико-полицейские меры, но несмотря на то нередко случается, что скот гибнет тысячами от какой-нибудь заразительной болезни, особенно же от чумы, очень часто появляющейся здесь в разных местностях и в большей или меньшей степени.

В видах предохранения скота от этой губительной болезни предместник мой, главный попечитель калмыцкого народа генерал-майор Струков испросил разрешение министерства государственных имуществ на производство опытов чумопрививания рогатому скоту.

Опыты начались в 1861 году в избранной нарочно для этой местности на урочище Усун-Тулум, в 7 верстах от летней ставки Малодербетовского улуса и в таком же расстоянии от селения Обильного в Эргенях. Они производились особою комиссиею, состоявшею из ветеринаров палаты государственных имуществ, Пчелина и Томашевского, и попечителя Малодербетовского улуса.

В первый год опыты ограничились только 5-ю животными; в следующие же 1862 и 1863 годы, испытанию подверглось более

30 штук скота, так что сделано было несколько прививтий или генераций. Подробности об опытах прививания и наблюдения ветеринаров были представлены в министерство государственных имуществ, которое распорядилось прекратить эти опыты на том основании, что по добытым в разных местностях России результатам, прививание чумы рогатому скоту не только не обещает пользы для скотоводства, но, напротив того, может принести ему значительный вред.

Кстати замечу здесь, что опыты чумопрививания по предложению временного совета управления киргизскою ордою производились в астраханской губернии еще в 1856 году, близ главной ставки Орды, на Нарын-Песках (в налуговой стороне р. Волги), но опыты эти не обогатили науки никакими положительными результатами.

В степном хозяйстве калмыков большой сбыт имеют шкуры с убитых и павших животных. Довольно трудно определить количество продаваемых ежегодно шкур, потому что они сбываются повсеместно: на калмыцком базаре (в 7 верстах от Астрахани), в селениях и в станицах шкуры скупаются и меняются на товар крестьянами с калмыками, в степи этим делом занимаются этим делом занимаются лица, ведущие торговлю с калмыками, и отправляющие большие обозы со шкурами в города: Царицын, Черный-Яр и другие. Кроме того, множество шкур расходуется для собственного употребления калмыков, которые готовят из них разные вещи по хозяйству, как-то: *архыты* (для *чигана*), *бартоги* (кожаные бутылки), *уты* (мешки) для сбора топлива (*аргасуна*, *кизяка*), ведра, ремни для сбруи и т. п. Для выделки шкур калмыки употребляют самые незатейливые инструменты. Обыкновенно шкуры предварительно красят в растворе муки; потом, сняв с них ножом волос, намазывают мездру, остатками от перегона *чигана* (*бозо*), переменяя это *бозо* несколько раз, что достаточно смягчает кожу, и затем, наконец, мнут особенного рода скалкой с зубцами. Для приготовления некоторых вещей кожу оставляют с волосом и копят их в кибитках, предварительно сделав из сырой кожи потребную вещь. Чтобы сообщить желаемую форму сшитым из сырой кожи бутылкам (*бартога*), их набивают мокрую землею и потом, высушив на солнце, копят. Овчины перед выделкою сначала солят,

потом намазывают или *бозо*, или сгустившимся *айриком*, перемывая его несколько раз; выставляют на открытый воздух, стараясь держать по возможности в тени, потом мнут овчину и отбеливают мездру ее мелом.

Полезно было бы устроить на калмыцком базаре кожевенный завод, как потому, что калмыки имели бы более верный сбыт шкур так и потому, что они могли бы приучаться к правильной выделке кожи. Впервые эту мысль высказал г. Любовидский, ревизовавший калмыцкое управление в 1856 году, но она до настоящего времени не приведена еще в исполнение, по не зависящим от управления причинам. Продаются калмыцкие шкуры приблизительно по следующим ценам:

Конская..... от 1 руб. до 1 руб. 50 коп.

С рогатого скота... от 2 руб. до 3 руб.

Верблюжья..... от 1 руб. до 3 руб.

Баранья..... от 50 коп. до 1 руб. 70 коп.

Так как дознано опытом, что рапространению заразительных болезней скота нередко способствуют шкуры с павших или с убитых больных животных, то в нескольких пунктах здешней губернии и преимущественно близ гор. Астрахани учреждены места для предварительного медицинского осмотра привозимых из степи шкур.

Овцеводство у калмыков имеет весьма обширные размеры: по вышеприведенным сведениям, цифра овец приблизительно исчислена в 803 941, следовательно придется почти по 7 голов на каждую душу обоего пола.

Разведение овец составляет самую прибыльную статью в калмыцком хозяйстве. Овца (по калмыцки *найжинара хоинь*) дает: мясо, молоко, шерсть, сало, овчину и ежегодный приплод, а вместе с тем при хороших ценах продается очень выгодно. Ухода большого за овцами не требуется, стадо пасется обыкновенно под наблюдением одного взрослого и нескольких малых ребятишек, а иногда эта обязанность возлагается на одних только подростков. Зажиточные хозяева имеют каждый своих особых пастухов, бедные же однохотонники гоняют своих овец в одно стадо, делая на разные заметки (по обыкновению надрезы на ухе) и нанимают общего пастуха или пасут сами по очереди. При стадах всегда дер-

жат несколько собак, охраняющих скотину от волков, которых в степи очень много.

Вся забота калмыцкого пастуха заключается только в том, чтобы сгонять овец на водопой и на ночь к хотону (т. е. к своим кибиткам). Здесь нет, как в Новороссии, того благоразумного и предусмотрительного надзора, благодаря которому овцы постепенно двигаются по пастбищу и не топчут не съеденной еще травы. При скудости здешних пастбищ такая экономическая мера была бы очень полезна. Хотя, по моим советам, многие из калмыков-овцеводов и обещались взять пример с новороссийских хозяев, но едва ли станут следовать ему, пока степь широка и привольна и будет находиться в общинном пользовании.

В здешнем крае водится четыре породы овец: тонкорунная (шленские и мериносы), калмыцкая (с курдюками), волошская (преимущественно белой шерсти и с широким хвостом) и так называемая русская (обыкновенная овца).

Тонкорунные овцы находятся у владельца Хошоутовского улуса. Впервые они заведены были в 1818 году в количестве 24 штук, шленской породы, подаренных бывшим министром внутренних дел князем Юсуповым покойному владельцу Хошоутовского улуса премьер-майору Сербеджаб Тюменю; этим же владельцем куплено было в 1832 году, с завода графа Кочубя, 75 мериносов самцов и самок. Количество овец увеличивалось от приплода почти ежегодно, так что в 1863 году у Тюменя было шленских овец 1 638 и мериносов 496. По общим отзывам, шерсть тонкорунных овец грубеет в здешнем крае от недоброкачества кормов, водопоев и отчасти климатических условий; но я, по недостатку наблюдений, не могу определить на сколько это мнение справедливо.

Развитию тонкорунного овцеводства у калмыков при необходимости тщательного за овцами этой породы ухода препятствует недостаток зимних закрытых помещений, кроме того в здешнем краю, по замечаниям местных хозяев, у тонкорунных овец часто заводится глиста в мозгу, отчего овца кружится и умирает.

Шерсть у тонкорунных овец у Тюменя снимается один раз в год, в количестве около 140 пудов, и продается на месте по 6 руб. за пуд.

Волошских овец почти нигде нет, кроме Хошоутовского улуса, где их было в 1863 году около 900 штук. Разведение их не так выгодно, как овец калмыцкой породы, обладающих весьма прибыльным для хозяйства достоинством, именно: своим салным наростом вместо хвоста или курдюком, наполненным чистым салом, количество которого доходит нередко до одного пуда. Здешними хозяевами замечено, что от скрещивания курдючных овец с овцами обыкновенной породы (у калмыков их почти нет), эта последняя на третий год получает курдюки. Мне приходилось также слышать, что у простых овец курдюки часто нарастают сами собою, хотя и не в таких размерах, как у настоящих курдючных. Интересно было бы удостовериться в справедливости такого явления и проследить, что именно в здешней местности способствует образованию курдюков; но, к сожалению, все без исключения хозяева скотоводы, особенно калмыки, до того неразвиты, что подобные вопросы для них немыслимы.

Лучшие овцы калмыцкой породы, по величине и весу, принадлежат калмыкам Эркетеневского и Икицохуровского улусов, и кочующим в степи Яндыковцам¹⁰. Та югозападная часть степи, где кочуют эти калмыки, заключает в себе очень много любимой овцами полыни (*Artemisia monogyna*, по калмыцки *табык шаральджин*) и солонцов. На всех выставках калмыцкого скота отличались бараны эркетеневские и икицохуровские, весившие от 6 пудов 30 фунтов до 7 пудов 10 фунтов. Что касается до качества их шерсти, то на несколько не лучше, чем и в других улусах.

Случка овец производится один раз в год, в конце сентября и начале октября, а до того времени кочкари (самцы, по калмыцки *хуцэ*) пасутся отдельно; исключение делается только для небольших стад, но в таком случае кочкарю надевают под брюхо фартук, однако же и при подобной предосторожности находят вредным оставлять кочкарей в стаде. Овцы вообще плодовиты: некоторые из них часто ягнятся двойнями; выкидыши происходят в редких случаях, например, когда овца бывает прижата в стаде, или когда она поест весною мерзлой травы. Гладкие, лоснящиеся, овчинки

¹⁰ Большая часть этого улуса кочует, или, правильнее сказать, сидит в Мочагах, занимаясь работами на соляных озерах и по рыболовству.

выкидышей, исключительно только черного цвета, употребляются калмыками на околыши их шапок.

Мясо здешних овец вообще вкусно, нежно, сочно и лишено того особенно неприятного запаха, который имеет мясо овец как в России, так и почти во всей почти Европе, кроме Англии. Нет сомнения, что это зависит от свойств корма, — иначе трудно объяснить, почему тот же самый калмыцкий баран, который только несколько времени пробыл в другой местности, получает иной вкус и запах; замечено также, что от больших перегонов мясо овцы становится водянисто и приобретает запах.

Калмыцкая овца, дает мясо от 60 до 100 фунтов, холощенный баран (*риге, гунун-хоин*) — менее; кочкарей же калмыки никогда не режут, оставляя их для завода. Сала получается с овцы и барана от 25 до 50 фунтов с курдюком.

Овец доят раз в день, утром, затем припускают к ним ягненка. Овца дает молока до одного штофа. Овечье молоко или сливается калмыками в один общий бурдюк (*архыт*), где тотчас же и окисает, или же идет на приготовление особого кушанья — *эезге*, вроде творога. Смешанное с коровьим, дает более масла.

Овец стригут два раза в год: весною и осенью, предварительно перегоняя их несколько раз чрез какой-нибудь проток, чтобы промыть шерсть; если же поблизости нет протоков, то овцы обмываются водою из худуков. При весенней стрижке получается с каждой овцы от 3 до 5 фунтов шерсти. Весенняя шерсть приблизительно стоит от 1,5 до 2 руб., осенняя от 2 до 2,5 руб. за пуд. В продажу поступает большею частью весенняя шерсть, осенняя же расходуется для собственного употребления. Гуртовой продажи шерсти не существует, а обыкновенно она скупается в хотонах по мелочам или меняется на необходимый для калмыков товар: кирпичный чай, разные материи, муку и т. п. Определить при этом положительную ценность шерсти чрезвычайно трудно, так как установление цен на товары зависит от мелочных торговцев, причем, конечно, принимается в расчет количество спроса. Мена эта очень не выгодна для калмыков, но преследовать ее полицейскими мерами или изменить к лучшему при настоящих условиях почти невозможно, потому что калмыки, хотя и сознают убыточность подобной торговли, но по укоренившемуся обычаю, крепко

держатся за нее, стараясь скрывать все невыгоды меновых сделок. Поэтому при опросе они обыкновенно уменьшают цены на купленный ими товар, опасаясь, что торговцам запретят приезжать к ним в степь и что им самим придется ездить за товарами в города и селения. Чтобы доставить возможность вести более правильную и безобидную торговлю, было бы очень полезно и даже необходимо открыть в середине степи, именно близ урочища Цабдырь, весеннюю ярмарку и при ней меновой двор, где калмыки могли бы во всякое время года обменивать на товар или продавать за деньги свой сырые произведения; об этом я скажу более подробно в заключении моего отчета.

Для собственного употребления калмыков идет большое количество шерсти, она необходима им на *кошмы*, на *шардыки* (тонкие полости), служащие для постелей и вместо ковров в кибитках, на потники под седла, на валенные чулки и *хошлыны* (тесьму для укрепления кибиток), так что из всего количества шерсти, получаемой калмыками, приблизительно около 150 000 пудов в год, две трети идет для домашнего обихода, остальное же количество поступает в продажу.

Шерсть калмыцких овец груба и для делания сукон не годится: цвет ее преимущественно рыжий; шерсть волошских овец тоньше и потому продается дороже калмыцкой.

В 1800 году отправлены были из калмыцкой степи, по требованию государственной мануфактур-коллегии, образцы шерсти для испытания и при этом обозначены были цены на нее, именно: весенней стрижки от 80 коп. до 1 руб. 20 коп. и осенней от 1 руб. 60 коп. до 2 руб. ассигнациями за пуд. Вместе с тем сообщалось, что калмыки, потеряв почти половину своего скота в предшествовавшую зиму, имеют сами крайнюю нужду в шерсти для собственного употребления.

Выделяемые калмыками тулупы из овчин расходятся для собственного употребления, и только весьма небольшое количество поношенных уже тулупов поступает в продажу или в обмен тулупниками, которые их перешивают, подбирают овчины и, подбелив мездру, нередко продают за новые.

При овцах калмыки разводят также коз, которые служат путеводительницами стада. Мясо козье хуже бараньего, но употре-

бляется калмыками в пищу; от одной козы мяса добывается около пуда; молоко сливается вмесет с овечьим; из пуху, получаемого с одной козы от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ фун., выделяются пояса.

Вот и все, что можно сказать о настоящем положении калмыцкого скотоводства...

Литература

- Бабст, Победоносцев 1864 — *Бабст И. К., Победоносцев К. П.* Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М.: в тип. Грачева и К°, 1864. X, 568 с.
- Бичурин 1834 — *Иакинф* (Н. Я. Бичурин), иеромонах. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб.: в тип[ографии] Мед[ицинского] департ[амента] М[инистерст]ва внутренних дел, 1834. [4], 253, [12] с.
- Исторический обзор 1844 — *З-в Н.* Исторический обзор ставропольских крещёных калмыков и несколько данных о современном их состоянии // Отечественные записки. 1844. Т. XXXV. № 7–8. Отд. 2. С. 27–38.
- Калмыцкая степь 1868 — Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. СПб.: М[инистерст]во гос[ударственных] имуществ, 1868. 300 с. (разд. паг.)
- Костенков 1868 — *Костенков К. И.* Статистическо-хозяйственное описание калмыцкой степи Астраханской губернии (сост. Полковником Костенковым). СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1868. VIII, 175 с.
- Костенков 1869 — *Костенков К. И.* О распространении христианства у калмыков: краткие исторические сведения о калмыцком народе // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. № 8. Ч. 144. С. 103–159.
- Костенков 1869 — *Костенков К. И.* Результаты переписи калмыцкого народа, произведённой в декабре 1868 года // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Вып. 1. Астрахань: Губернская типография, 1869. С. 148–163.
- Костенков 1870 — *Костенков К. И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии: [С картой Калмыцкой степи / Составил главный попечитель калмыцкого народа генерал-майор К. Костенков]. СПб: М[инистерст]во гос[ударственных] имуществ, 1870. [4], 171 с.
- Костенков 2006 — Костенков Капитон Иванович // Ученые — исследователи Калмыкии (XVII – начало XX вв.): Биобиблиографический

- указатель / сост. П. Э. Алексеева, Л. Ю. Ланцанова. Элиста: КИГИ РАН, 2006. С. 107–111.
- Небольсин 1852 — *Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 192 с.
- Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. VIII, 290, 4 с.
- Страхов 1810 — *Страхов Н. И.* Нынешнее состояние калмыцкого народа с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни Савардин. СПб.: Тип[ография] Шнора, 1810. 99 с.

References

- Babst I. K., Pobedonostsev K. P. Letters about the travel undertaken by the Tsesarevich through Russia: from St. Petersburg to the Crimea. Moscow: Grachev & Co, 1864. X, 568 p. (In Russ.)
- Z-v N. The Christianized Kalmyks of Stavropol: a historical review supplemented with some contemporary essential data. *Otechestvennye zapiski*. 1844. Vol. XXXV. No. 7–8. Part 2. Pp. 27–38. (In Russ.)
- Hyacinth (N. Ya. Bichurin), hieromonch. A historical review of the Oirats, or Kalmyks, from the 15th century to the present time. St. Petersburg: Medical Dept. (Ministry of Internal Affairs), 1834. 253 p. (In Russ.)
- Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: studies by the Kuma-Manych expedition. St. Petersburg: Ministry of State Property, 1868. 300 p. (In Russ.)
- Kostenkov K. I. Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: a statistical and economic description by Colonel K. Kostenkov. St. Petersburg: V. Bezobrazov & Co, 1868. VIII, 175 p. (In Russ.)
- Kostenkov K. I. Dissemination of Christianity among the Kalmyks revisited: a concise essay on Kalmyk people's history. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvetsheniya*. 1869. No. 8. Part 144. Pp. 103–159. (In Russ.)
- Kostenkov K. I. The December 1868 Census of the Kalmyk population: results. *Trudy Astrakhanskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*. Is. 1. Astrakhan: Gubernskaya Tipografiya, 1869. Pp. 148–163. (In Russ.)
- Kostenkov K. I. Kalmyk nomads of Astrakhan Governorate: historical and statistical data suppl. with a map of Kalmyk Steppe, by the Kalmyk People's Principal Curator, Major General K. Kostenkov. St. Petersburg: Ministry of State Property, 1870. [4], 171 p. (In Russ.)
- Kapiton I. Kostenkov. *Uchenye — issledovateli Kalmykii (XVII – nachalo XX vv.)* [Academic researchers of Kalmykia: 17th – early 20th cc.]. A

- biographical ref. book. P. E. Alekseeva, L. Yu. Lantsanova (comps.). Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2006. Pp. 107–111. (In Russ.)
- Nebolsin P. I. Kalmyks of Khoshoutovsky Ulus: essays on everyday life. St. Petersburg: Karl Kray, 1852. 192 p. (In Russ.)
- Nefedyev N. The Volga Kalmyks: detailed data collected on site. St. Petersburg: Karl Kray, 1834. VIII, 290, 4 p. (In Russ.)
- Strakhov N. I. The Kalmyk people: an description of their current conditions suppl. with texts of Kalmyk laws and court practices, ten rules of their faith, prayers, a moral novel, a fairy tale, proverbs and the song of *Savardin*. St. Petersburg: I. Shnor, 1810. 99 p. (In Russ.)